

О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ (РУССКОГО И ИНОГО АРЕАЛА)

Виктор Васченко

Диалектологии как науке почти двести лет. В начале XIX в., а именно в 1819г., Якоб Гримм (1785 – 1836) даст в своем труде *Detsche Grammatik* первое известное нам научное описание диалектов на материале немецкого языка, а несколько позже Жюль Жильерон (1854 – 1926) становится в 1883г первым преподавателем французской диалектологии и автором первого лингвистического атласа Франции (1902 – 1923).

“Время, когда французский диалектолог... на велосипеде объехал Францию и составил первые карты лингвистической географии, ушло в далёкое прошлое” [7, с. 506], но разработанная им методология успешно применяется и в наши дни, когда живучесть диалектов, несмотря на победоносное шествие литературного языка, подтверждается в ряде случаев неоспоримыми фактами.

Так, например, на юге Германии, а именно в Баварии, число лиц, пользующихся местным диалектом в семейных условиях, составляет 77 процентов (это подавляющее большинство баварцев!). Немецкие говоры Швейцарии, относящиеся к алеманской диалектной группе (т. н. *Schwyzerdüütsch*), постоянно используются во всех ситуациях устного языкового общения. Более того, диалект может быть декретирован в качестве национального языка, как это случилось в 1984г. с лётцебургским диалектом в Люксембурге [см. 3].

Поскольку в диалектологии со времён Гримма и Жильерона до наших дней накопился большой фактический материал как русский, так и нерусский, особенно романо-германский, касающийся структуры говоров и их взаимоотношения с другими вариантами общенародного языка, назрела необходимость, как нам кажется, описать картину этого взаимоотношения в виде типологической классификации. А классификация – это, как известно, один из признаков зрелости науки.

* * *

Говоры являются вне сомнения основными, далее понятийно неделимыми, территориальными единицами диалектного членения языка. В их взаимоотношении с общенародным (в том числе литературным) языком они допускают теоретически, на наш взгляд, бинарную типологическую классификацию. Её можно проследить с пяти точек зрения, а именно с точки зрения: лингвистической однородности (1), лингвистического континуума (2), лингвистической филиации (3), территориальной принадлежности (4), лингвистической конвергенции (5).

1. **Лингвистическая однородность.** С этой точки зрения территориальные и гетерогенные говоры. Первые из них, гомогенные говоры, характеризуются однородностью, им чуждо понятие смешанности. Такими являются, например, говоры немецкоязычной Швейцарии, многие говоры северновеликорусского наречия, а также периферийные говоры Романии, т.е. романоязычной территории, в которых хорошо представлены исконно-латинские лексемы (напр., в португальском *ageia* ‘песок’, в

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

некоторых молдавских говорах румынского языка *agînjă* ‘то же самое’ восходящие к лат. *arena*).

Гетерогенным говорам, напротив, чужда однородность и лексическая “чистота”. Они являются как правило результатом смешения населения. Такими являются, например, донские говоры, в которых понятие ‘крестьянский дом’ выражается как русским словом *изба*, так и украинским по происхождению словом *хата*.

2. Лингвистический континуум. В этом срезе территориальные разновидности языка делятся, по-нашему, с одной стороны, на сплошные говоры, и, с другой стороны, островные говоры. Сплошные говоры распространены без больших перерывов на национальной территории данного языка. Такими являются, например, говоры северновеликорусского и южновеликорусского наречий в пределах Российской Федерации, а также почти все говоры, находящиеся на дакорумынской языковой территории.

В противоположность сплошным говорам, островные говоры находятся в иноязычной среде, т.е. вне исконной национальной территории, в результате разного рода переселений. Такими являются, например, албанские говоры в Греции и Италии, а также русские говоры старообрядцев, переселившихся в XVIII - XIX вв. в восточную и юго-восточную Европу, т.е. на территорию Эстонии, Латвии, Литвы, Польши (тогдашней Пруссии и Австрии), Румынии, Молдавии и Болгарии.

3. Лингвистическая филиация. В этом плане выделяются, с одной стороны, первичные, а с другой стороны, вторичные говоры. Первичные говоры (немецкие диалектологи называют их *primäre Sprachinseln*, *Mutterkolonien*), имеют исходный характер, являются начальным звеном, они порождают новые диалектные единицы. Первичными являются, например, русские говоры старообрядцев, проживающих в румынских населенных пунктах Тульча, Сарикей и Камень. Они содействовали образованию говора в Казашко (Болгария) путем переселения части населения указанных выше сёл на болгарский берег Чёрного моря.

Противостоящие им вторичные говоры (по-немецки *sekundäre Sprachinseln*, *Tochterkolonien*) образуются на базе первичных территориальных единиц. Так, например, говор липован села Новинка (рум. *Ghindărești*) образовался в XIX в. переселенцами из населенного пункта Плоское одесской области.

4. Территориальная принадлежность. С этой точки выделяются, с одной стороны, эксклавы, а с другой стороны, анклав. Эксклав (нем. *Exklave*) – это такой говор, который оторвался от исконной диалектной зоны, а анклав (фр. *enclave*, нем. *Enklave*) – это такой говор, который образовался путём включения его носителей в иноязычную территорию. В конечном счёте один и тот же говор может быть как эксклавом, так и анклавом, потому что его статус зависит от внешнего фактора лингвистического характера, а именно от того лица, которое занимается классификацией или описанием говоров поселенческих колоний. Так, для русского диалектолога русские говоры старообрядцев Румынии являются эксклавами, в то время как для румынского диалектолога они являются анклавами.

И эксклавы, и анклав ощущаются “чужеземными” единицами: в первом случае – это отчуждённые говоры, а во втором случае – это (ещё) “не свой”.

В силу указанных выше особенностей такого типа говоры как правило не фиксируются на картах национальных лингвистических атласов. Например, они не входят в сферу научных интересов авторов *Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы* (под редакцией Р. И. Аванесова, ч. 1-2, М., 1957), т.к. для них островные старообрядческие говоры Румынии – это эксклавы, но в то же время эти

говоры пренебрегаются авторами румынского лингвистического атласа (*Atlasul lingvistic român pe regiuni. Muntenia și Dobrogea.*, I. București, 1996), т.к. для авторов этого атласа они являются чужеродными анклавами, образованными на протяжении XVIII - XIX вв. в результате русской старообрядческой иммиграции.

5. **Лингвистическая конвергенция.** С этой точки зрения территориальные разновидности языка (говоры и диалекты) подразделяются на конвергентные и дивергентные языковые единицы.

Конвергентные говоры сходятся в одной точке, т.к. они находятся под выравнивающим влиянием литературного языка. Типичным примером являются ретороманские говоры в Швейцарии. Они в настоящее время испытывают оживляющее воздействие со стороны стандартного (письменного) ретороманского языка и тем самым пытаются избежать процесса вымирания.

Дивергентные говоры и диалекты, напротив, удаляются от стандартного языка, избегают его влияния. В этом отношении можно упомянуть архаические говоры французского языка в Канаде, характеризующиеся самостоятельным развитием начиная с XVII в., а также русские старообрядческие говоры Румынии и Болгарии, которые на протяжении последних трех веков развиваются, в свою очередь, самостоятельно, т.е. в отрыве от русского общенародного, в том числе литературного языка.

Дивергентной эволюцией характеризуются в высшей степени южнодунайские ответвления румынского языка, т.е. арумынский (или македорумынский), истрорумынский и мегленорумынский “диалекты” (известные также с архаической огласовкой *-румун-*: арумунский или македорумунский, истрорумунский и мегленорумунский). Они отделились от общерумынского языка ещё в средневековье, а именно в период IX - XI вв., в результате миграции части карпато-дунайского пастушеского населения (влахов) на юг Балканского полуострова.

Эти скотоводческие иммигранты оказались здесь, на юге, в иноязычном окружении славян, греков и албанцев, которые оказали и оказывают сильнейшее влияние на все языковые уровни: на морфологию, на синтаксис, на фонологию и особенно на лексику говорящих по-арумынски, по-истрорумынски и по-мегленорумынски. В результате эти ответвления древнего общерумынского языка со временем перестали быть диалектами: они постепенно развиваются в самостоятельные романские языки о которые растворяются в иноязычной массе, в основном славянской. Языком государственной администрации, школы и церкви являются сейчас у этих переселенцев национальный язык соответствующего государства: хорватский, македонский, греческий или албанский [см. работ 1, 2, 5, 6, 8].

Речь идет о процессе лингвистического вымирания или угасания. Один из исследователей арумынского, известный ученый Таке Папахаджи, так и называет этот процесс: “угасание”, по-румынски *stingere lingvistică*, а по-французски *mort linguistique* (“c’est là une mort linguistique exigée par la nature des circonstances et imposée par les événements historiques” [6; с.5].

Таким образом, дивергентность ведёт не только к самостоятельному развитию диалектов, но и, в некоторых случаях, к исчезновению, к языковой “смерти”. Иными словами, двуязычие (а арумыны, истрорумыны и мегленорумыны говорят почти стопроцентно на двух языках: на родном, имеющем семейный характер, и на официальном языке соответствующей южнодунайской страны) неминуемо ведёт к одноязычию, к монолингвизму, к безраздельному господству государственного языка.

* * *

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Бинарная диалектная группировка, представленная выше и разработанная нами первоначально на материале говоров русских старообрядцев юго-восточной Европы [см. 10, с. 23-24], действительна, как мы попытались доказать, и по отношению к так сказать “классическим” народным говорам двух русских наречий, а также к многим славянским и неславянским говорам Европы.

Поэтому данное сообщение можно рассматривать, как нам кажется, не только в плане славистики, но и как посильный вклад в общую диалектологию.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Petar Atanasov, *Meglenoromâna astăzi*. Editura Academiei, București, 2002.
- [2] Matilda Caragiu Marioțeanu, *Fono-morfologie aromână. Studiu de dialectologie structurală*. Editura Academiei, București, 1968.
- [3] A. I. Domašnev (Rec.), *Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen*. Hrsg. von D. Stellmacher. Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 2000, 437 S., in “Voprosy jazykoznanija”, 2001, 4.
- [4] *Introducere în lingvistică*. Elaborată de un colectiv condus de acad. prof. Al. Graur. Ediția a III-a, revizuită și adăugită. Editura Științifică, București, 1972.
- [5] August Kovačec, *Descrierea istroromânei actuale*. Editura Academiei, București, 1971.
- [6] Tache Papahagi, *Dicționarul dialectului aromân, general și etimologic*. Ediția a doua, augmentată. Editura Academiei, București, 1974.
- [7] A. A. Reformatskij, *Vvedenie v jazykovedenie*. Izd. četvertoe. Izd-vo “Prosveščenie”, Moskva, 1967.
- [8] Richard Sârbu, Vasile Frățilă, *Dialectul istroromân. Texte și glosar*. Editura Amarcord, Timișoara, 1998.
- [9] Klaus Steinke, *Die russischen Sprachinseln in Bulgarien*. Carl Winter Universitätsverlag, Heidelberg, 1990.
- [10] Victor Vascenco, *Lipovenii. Studii lingvistice*. Editura Academiei, București, 2003.